

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Мировые политические процессы: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 57 вопросов перечня кафедры мировых политических процессов для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», кафедра мировых политических процессов

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по специальной дисциплине

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ · ВОПРОС КЗ1 · ДЕМО

Критический обзор научной литературы о новом и незападном регионализме.

■ «Новый регионализм»: отказ от евроцентризма

- Термин закрепился в начале 1990-х у Б. Хеттне и Ф. Содербаума — «теории нового регионализма» (ТНР);
- Довод ТНР: регионализм всюду складывается по-своему, путь западноевропейской интеграции невоспроизводим;
- Э. Харрелл: слабость вестфальской модели в новых регионах, иные исторические траектории, роль культурной самобытности (АСЕАН).

■ Азиатский кейс: три этапа по А. Ачарии

- 1947-1967 — «паназиатский» регионализм по инициативе Индии против блока СЕАТО (1954), распавшегося из-за кризиса легитимности;
- 1967-1990 — АСЕАН (1967) с «путём АСЕАН» — неформальным консенсусом без наднациональных институтов, затем АТЭС (1989);
- С 1990 г. — АРФ (1994, Бангкок), кризис 1997-1998 гг. как перелом, Восточноазиатский саммит (2005).

■ Российская историография: Байков и Богатуров

- А.А. Байков со ссылкой на М. Бисона: европейский путь — не эталон, а «исторически случайный» феномен;
- А.Д. Богатуров: «европейцы строили сообщество, государства Восточной Азии — лишь соединяли усилия»; торговля внутри АСЕАН в 1970-х — 6-9%;

- «Мягкий регионализм» (Р. Скалапино) — институты складываются вслед за связями, а не опережают их.

■ Критика ТНР

- Дж. Ловеринг (1999): аргументы ТНР «зыбкие», деление на «умозрительный» и «вульгарный» регионализм методологически слабо;
- Дж. Харрисон (2006): игнорируется роль государства и макроэкономический уровень;
- Сборник «Regionalism» (2013, ред. Ф. Содербаум и Ф. Де Ломбаерде, SAGE) фиксирует сдвиг интереса от Европы к Азии.

■ От незападного регионализма к западной теории МО

- А. Ачария и Б. Бузан: «Почему нет западной теории МО?» (2007), сборник 2010 г., повестка Global IR;
- П. Катценштайн: сравнение Азии с Европой вводит в заблуждение — нет «франко-германской пары», вместо неё соперничество Китая и Японии.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение: две повестки, одна проблема

Исследовательская литература о регионализме конца XX — начала XXI века делится на два тесно связанных, но не тождественных направления. Первое — «теории нового регионализма» (ТНР), возникшие в начале 1990-х годов как ответ на исчерпание объяснительной силы классических (западноевропейских) моделей интеграции. Второе — исследования западного регионализма как такового: попытки описать региональные процессы в Азии, Африке и Латинской Америке их собственным языком, не подгоняя под опыт Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Оба направления сходятся в одном выводе: западноевропейская интеграция — не универсальный эталон, а один из исторически возможных, но не единственный путь регионального взаимодействия. Ниже рассмотрены ключевые школы, авторы и точки спора, формирующие эту литературу.

■ Теории нового регионализма: отказ от евроцентризма

Термин «новый регионализм» ввели в оборот в начале 1990-х годов шведские исследователи Бьёрн Хеттне и Фредрик Содербаум (Гётеборгский университет). Они опирались на три метатеоретических источника: глобальную социальную теорию, социальный конструктивизм и сравнительные региональные исследования. Их центральный тезис — регионализм в каждой части света обретает неповторимый облик под влиянием местных экономических, социокультурных и исторических факторов, а мир конца XX века радикально отличается от мира второй половины 1950-х годов, когда зарождалась западноевропейская интеграция. Похожие исторические условия невоспроизводимы, поэтому оценивать любое региональное объединение

исключительно по его способности повторить структуры Евросоюза — методологическая ошибка.

Британский исследователь Э. Харрелл указывает три причины, изменившие подходы к изучению регионов. Во-первых, традиционный (вестфальский) инструментарий не подходит для регионов, где государство исчерпало институциональный потенциал и на месте межгосударственных отношений сложились иные, конфликтные механизмы взаимодействия. Во-вторых, региональные сообщества исторически формировались по иным траекториям, чем европейские, и потому структурно от них отличаются. В-третьих, региональная самобытность — общий культурный фактор — сама по себе может стать основой для складывания региона; классический пример — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

■ Азиатский регионализм: периодизация Амитав Ачарии

Наиболее разработанную периодизацию незападного (восточноазиатского) регионализма предложил Амитав Ачария. Он выделяет три этапа. Первый, 1947–1967 годы, — «паназиатский» регионализм: серия конференций по инициативе Индии, стремившейся объединить страны Азии на антиколониальной основе. Ему противостоял военно-политический блок СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии), созданный в 1954 году как инструмент сдерживания коммунистического Китая; блок получал значительное финансирование, но распался из-за проблем легитимности — региональные государства не признавали его выразителем собственных интересов.

Второй этап, 1967–1990 годы, открывается созданием АСЕАН в 1967 году. Здесь сложился «путь АСЕАН» (ASEAN Way) — принцип неформального консенсуса и невмешательства во внутренние дела без создания наднациональных институтов, принципиально отличный от наднациональной логики Европейских сообществ. К концу этапа добавляется Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС, создано в 1989 году). Третий этап начинается в 1990 году и характеризуется собственно «новым» азиатским регионализмом: Асеановский региональный форум (АРФ, создан в 1994 году в Бангкоке) расширяет повестку с экономики на безопасность, Азиатский финансовый кризис 1997–1998 годов становится переломным моментом, стимулирующим углубление регионального сотрудничества, а Восточноазиатский саммит, учреждённый в декабре 2005 года в Куала-Лумпуре, институционализирует диалог с участием внерегиональных держав.

Питер Катценштайн подчёркивает: рассмотрение азиатских моделей интеграции через призму европейского опыта вводит в заблуждение. Коренные различия — в разных исторических траекториях и архитектуре взаимодействия: цивилизационное разнообразие региона, иной подход к суверенитету и, что немаловажно, отсутствие в Восточной Азии аналога «франко-германской пары» — вместо оси взаимного примирения, двигавшей европейскую интеграцию, здесь на протяжении десятилетий сохраняется соперничество Китая и Японии.

■ Российская историография: Байков и Богатуров о «мягком регионализме»

Отечественная литература развивает эти сюжеты на собственном материале. А.А. Байков, опираясь на работы британского специалиста Марка Бисона, подчёркивает: нет оснований считать, что европейский опыт задаёт единственно возможную форму регионального взаимодействия или что успех любого объединения нужно оценивать по способности воспроизвести структуры и практики Евросоюза. В литературе конца XX века закрепились мысли о том, что западноевропейская интеграционная активность — не образец для подражания, а во многом «случайный» историко-политический феномен, порождённый наложением специфических исторических, культурных и персональных факторов своего времени и региона.

Более раннюю и системную трактовку различий предложил А.Д. Богатуров. Его формула стала хрестоматийной: «европейцы строили сообщество, а государства Восточной Азии — лишь соединяли усилия». Восточноазиатский регионализм, в отличие от западноевропейского, возникал не как способ преодоления национальной ограниченности через наднациональные институты, а, напротив, как средство утверждения национального суверенитета каждого из участников через координацию действий. Следствие этой логики — низкий уровень взаимной торговли внутри АСЕАН в 1970-х годах (6–9% от общего товарооборота участников); преференциальные тарифы были введены лишь в 1977 году, а общеасеановские проекты индустриализации — в 1978 году.

Терминологически эту специфику фиксирует понятие «мягкий регионализм» (soft regionalism), которое, по указанию Богатурова, ввёл в оборот американский исследователь Роберт Скалапино для описания отношений, не приобретающих жёстких организационных рамок. Институциональное оформление региональных связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе следовало за фактической структуризацией отношений между странами, а не предшествовало ей, как это было в Европе с НАТО и ЕЭС. Показательно, что попытка «опережающего» институционального проекта в регионе — упомянутый выше Манильский пакт СЕАТО как структура сдерживания — провалилась именно потому, что институты забежали вперёд реальных связей.

■ Критика теорий нового регионализма

Собственно ТНР подверглись предметной критике внутри самой западной науки. Британский географ Дж. Ловеринг на материале кейса Уэльса (1999) указывал, что аргументы теорий нового регионализма построены на «зыбких» основаниях: предложенное деление на «умозрительный» и «вульгарный» регионализм лишено достаточного философского и методологического обоснования, а сами теории склонны игнорировать макроэкономический уровень анализа. Дж. Харрисон в 2006 году сформулировал более сдержанную, «критику с симпатией»: он разделяет экономический и политический («другой») регионализм, но отмечает, что за рамками анализа ТНР остаётся государство

как основной канал регионального взаимодействия, а также макроэкономический уровень капиталистической экономики в целом.

Показательно, что сами исследователи признают: количество школ, причисляющих себя к «новому» регионализму, к 2010-м годам стало настолько велико и неупорядочено, что критики (включая Ловеринга и Харрисона) сосредоточились преимущественно на экономико-институциональном блоке, оставив без должного внимания политическое измерение регионализма. Итог полувекового этапа исследований подвёл четырёхтомный сборник «Regionalism», изданный в 2013 году под редакцией Фредрика Содербаума и Филиппа Де Ломбаерде издательством SAGE. Составители фиксируют смещение исследовательского интереса от Европы к Азии и к новому сюжету — «интеррегионализму» отношений Европейского союза и США.

■ От незападного регионализма к западной теории международных отношений

Изучение западного регионализма закономерно переросло в более широкую дискуссию о западной теории международных отношений вообще. Амитав Ачария и Барри Бузан в 2007 году поставили программный вопрос — почему до сих пор не сложилась западная теория международных отношений, — и развили его в совместном сборнике 2010 года, объединившем кейсы Азии, Ближнего Востока и других западных регионов. Из этой работы выросла более широкая повестка Global IR (глобальной науки о международных отношениях), нацеленная на преодоление западноцентричности дисциплины в целом, а не только теорий регионализма.

Российская школа МО откликается на эту повестку постановкой вопроса о «западной (западноцентричной) теории» с учётом специфики крупнейших макрорегиональных комплексов. Обсуждается, в частности, концепция «Большой Восточной Азии», охватывающая Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию, а также Центральную и Южную Азию как пример западного макрорегионального стягивания, альтернативного западноцентричным моделям. Дискуссии о подъёме западного мира при этом напрямую увязываются с ролью исламского и китайского факторов, а также объединения БРИКС — как драйверов пересмотра идейно-философских основ существующего мирового порядка. Регионализация как таковая «реабilitирует» категорию пространства в международно-политическом анализе, порождая новые субдисциплинарные поля — мировое комплексное регионоведение и кроссрегиональный анализ.

■ Итоги и значение

Литература о новом и западном регионализме прошла путь от простого признания многообразия региональных форм (Хеттне, Содербаум, Харрелл) через детальную периодизацию отдельных западных кейсов (Ачария, Катценштайн, Богатуров, Байков) к методологической самокритике самих теорий нового регионализма (Ловеринг, Харрисон) и далее — к постановке вопроса о западной теории международных отношений в целом (Ачария и Бузан, повестка Global IR). Ключевой методологический урок этой

историографии состоит в том, что оценка региональных процессов по единой, заведомо европейской шкале — с точки зрения зрелости институтов, глубины интеграции или темпов сближения — систематически недооценивает логику регионов, где интеграция служит не размыванию, а укреплению национального суверенитета участников. Понимание этой развилки остаётся необходимой рамкой для анализа современных региональных и трансрегиональных проектов, будь то АСЕАН, БРИКС или иные западные форматы сотрудничества.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Мировые политические процессы: кандидатский экзамен» — 57 вопросов перечня кафедры мировых политических процессов для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.